

Cross-Cultural Communication: Pragmatics and the Search for Meaning¹

I just want to understand,
Thus I'm seeking your intent...

*A. S. Pushkin*²

The fourth issue of *Quaestio Rossica* in 2023 opens with a discussion of the significance and challenges of translation. Interest in this topic grows wider in society at various turns in history, because the acquisition of meaning attached to another cultural and historical reality is often synonymous with translation. The degree of acquisition of such “otherness” is determined by the openness of a certain culture and the desire of its participants to expand informational resources. It is worth recalling that in Old Rus', a translator was called a *tolmach*, which meant not only a translator but also an interpreter [cf.: Срезневский, т. 3, стб. 1045], i. e., a person capable of explaining the unknown. The process of translation cannot be stopped, just as one cannot acknowledge the achievement of a final perfection. Infinitely, the comprehension of meaning is endless, and translation performs a crucial anthropological function of self-discovery through the mirror of the culture of a different genesis. The discussion of the possibilities and communicative essence of translation, offered in the *Problema voluminis* section, continues with a debate between translation practitioners and theorists in the *Dialogus* section.

In his article, *Omar Lobos*, a renowned translator and professor at the University of Buenos Aires (Argentina), analyses the creative principles of translators who base their poetic translations on the tradition of Western European verse. Using examples from his own translations of Russian poetry into Spanish, the author aligns rhythmic patterns in multilingual cultures and demonstrates the productivity of such work. *Vladislav Bortnikov's* (Yekaterinburg, Russia) article offers reflections on the translations of John Milton's epic poem *Paradise Lost*, comparing different translators' strategies for conveying the iambic pentameter of the English poet. The author introduces the concept of the rhythmic equality of translation and the original – *equirhythmia* – demonstrating the varying degrees of rhythmic approximation in translations.

Olga Turyшева's (Yekaterinburg, Russia) article exemplifies the possibility of a specialist making reliable conclusions about the originality of a writer's

---

¹ Preparation of materials for the sections on translation activity and cultural peculiarities of the late 17th–18th centuries and the introductory article were supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00488).

² Translated by Andrey Kneller.

philosophy based on limited research material. The researcher studies Franz Kafka, examining the translation of a phrase from his *The Metamorphosis*. The article shows how the accuracy of translation is related to the writer's general ideas about rational and intuitive perception of art and how the interpretation of the phenomenon can be subject to reduction in the process of translation.

The second facet of the problem is the pragmatics of a foreign language in the history of Russian diplomacy in the eighteenth century. Russia's participation in European diplomatic work and the organisation of a broad network of international relations occurred thanks to individuals' understanding of their duty and their talents. Turning to archival sources makes it possible to understand not only the officially recognised results of cooperation but also to see how proficiency in different languages optimised communication between countries.

Yana Larina (Moscow, Russia) provides a detailed description of how Russia and Sweden used the German language for diplomatic contacts during the era of Peter the Great. The researcher subtly notes a symbolic function in this process, where a document demanded in diplomatic practice had an additional symbolic subtext of affirming the strength or dominance of a certain side when presented in the national language. These same documents demonstrate the Russian diplomatic inclination to search for compromise on this issue. *Vladislav Rjéoutski* (Paris, France) looks at the efforts of Prince Ivan Shcherbatov in mastering European languages for negotiations and observing international etiquette in correspondence, leading to Russia's worthy inclusion in the diplomatic system of Peter the Great. Archival documents testify to the emergence of an understanding of the national language for the affirmation of identity: in personal correspondence, the diplomat used his native language, unlike official documents. Based on the biography of Prince Boris Kurakin, *Ernest Zitser* (Durham, NC, USA) suggests that the level of proficiency in the French language becomes the foremost step in the diplomat's career ladder. His language acquisition occurred through skilful use of the linguistic environment surrounding Kurakin's personal contacts, correspondence, and travel. Proficiency in several intermediary languages led the prince to a respectable level of the main diplomatic language of the time – French. This allowed Kurakin to integrate into the diplomatic elite of Europe and establish the state's diplomatic authority relatively quickly.

Equally interesting are the peculiarities of eighteenth-century diplomatic missions at the Russian court. Archival documents related to the activities of Count Nikolaus (Miklós) Esterházy, a Hungarian aristocrat, and the Roman-Imperial ambassador in St Petersburg show his brilliant command of European languages. His knowledge and skills were used both to establish personal relationships at the court of Empress Elizabeth Petrovna and to create reports and dispatches to Vienna. *Olga Khavanova* (Moscow, Russia) provides vivid evidence of how Esterházy, adept at the art of communication in various languages, managed to attract the attention of the court and the empress. The importance of language competencies in diplomatic service is further discussed in an article by *Maria Petrova* (Moscow, Russia).

Based on the official correspondence of Karl Gustav and Johann Matthias Simolin – Russian diplomats of the eighteenth century originating from western territories (Ostsee governorates) – the author compares the career achievements of the two brothers the dawns of whose diplomatic careers were similar but who utilised opportunities and their language talents differently. The biographies of the brothers demonstrate the importance of an active communication strategy with colleagues, personal contacts in various language communities, and an understanding of etiquette in international contexts.

The discussion in the *Dialogus* section is also related to the vocation of translation. *Olga Sidorova* and *Tatiana Kuznetsova*, the moderators of the section from Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), managed to attract highly professional translators and researchers from various countries and translation schools: *Olga Varshaver* (Moscow, Russia), *Elena Petrova* (St Petersburg, Russia), *Karen Hewitt* (Oxford, UK), and *Alejandro Gonzalez* (Buenos Aires, Argentina). The participants discussed current trends in a translator's work, the understanding of quality, and the significance of the translator's personal understanding of responsibility for their role in world culture.

The diversity of meanings is closely linked to the formation and prolongation of historical memory in relation to national identity. The articles published in the issue provide a wide picture of the selection of factual material in the process of memorisation, the refusal to preserve information, or the dramatic collision of unforgettable events and heroes with ideological clichés of external influence.

Ilya Pechenkin (Moscow, Russia) offers a new interpretation of Vladimir Stasov's ideas regarding the concept of the "Russian style" in art between the 1860s and 1880s. According to Pechenkin, the Soviet interpretation of Stasov's theories as an expression of the people's need for self-identification is nothing more than the "cultural imagination" of the theorist. It represents the manifestation of official imperial nationalism, which Stasov adhered to, and which aligned perfectly with his understanding of social progress and the interests of the people.

The theme of historical memory in relation to identity is explored in the article by *Yulia Zevako* (Yekaterinburg, Russia). Based on competing discourses of Soviet history, namely, the memory of the victors and the greatness of the Great Patriotic War, and the tragedy of the repressed, the author raises difficult questions about the criteria for preserving differently coloured events in memory. Using interviews with carriers of historical memory, Zevako connects the processes of preserving or excluding from memory with the personal readiness of informants to assess family history.

The exclusion of events from memory may be influenced by the attitudes of oral history collectors and dictated by ideological considerations. In this regard, the folklore archive of Ural Federal University is analysed for the first time by *Tatiana Khoruzhenko* (Yekaterinburg, Russia). The comparison of archival material and methodological recommendations for its collection allows the author to identify gaps that arose due to subjective circumstances. The

organisation of the survey logic and the collector's attention to certain topics and neglect of others create a context that influences the folklore carrier, which should be considered when creating a genre-motivational map of active usage of texts.

Tatiana Breeva (Kazan, Russia) reflects on contemporary trends in understanding the historical past in fiction. Yuri Buida's provocative novel, *The Fifth Kingdom*, represents a tendency within global literature to interpret history as a key to understanding the present, while simultaneously deconstructing historical myths. This produces an effect of an ambivalent nature, where overcoming the historical mythology of the past is not a goal but a way of understanding the ironic mode of modernity.

Alexandra Kolesnik (Moscow, Russia) turns to the era of rock music and its socio-cultural role in late Soviet Leningrad. Based on interviews with attendees of rock clubs, which explored their personal involvement in musical culture and offered an analysis of contemporary tourist interest in memorial sites, the author concludes that it is important to recognise these aspects of national culture as essential heritage in aesthetic and philosophical planes.

This issue also presents unknown prayer texts from a parchment manuscript from the mid-fourteenth century (RGADA. Printing Collection. No. 28). These unique texts, filled with the lively feelings of their creators, are prepared for publication and accompanied by a scholarly commentary from *Anton Shchepetkin* (Yekaterinburg, Russia).

The *Disputatio* section of this issue presents research on creative intentions at the end of the seventeenth and the beginning of the eighteenth centuries, the time span that marked the conclusion of Russia's medieval period and defined cultural shifts witnessed in the New Era. *Svetlana Sevastyanova* (Novosibirsk, Russia) considers turning to antiquity an indicator of such changes, and a means of embracing the foundations of secular European culture. A notable example is the shift initiated by Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza in 1667 in the *History of the Synod*. In dedicating the work to the Russian Tsar, the writer actively employs ancient tropes and imagery, elaborating on themes of historical purpose and the ruler's virtues. The modern complete translation of Ligarides' book significantly deepens our understanding of the assimilation of European cultural texts.

A part of a state's historical and cultural heritage consists of texts which remained unfinished for various reasons. *Alexey Popovich* (Yekaterinburg, Russia) works with such sermon texts from the turn of the eighteenth century, which were composed by Metropolitan Stefan Yavorsky and have reached us in draft form. The researcher deciphers the manuscripts of the preacher, identifying historical and life circumstances that led the author to leave a mark *non dictum*, thus postponing the delivery of sermons. The article introduces new information about the political views of this influential intellectual and his artistic preferences into scholarly discourse³.

---

³ The characterisation of the features of this period, both in the form of a comprehensive overview [see: Кошелева] and through multiple specific-factual perspectives [see: Waugh, 2023a; Waugh, 2023b], has repeatedly surfaced on the pages of the journal. This exploration is intertwined with historical cataclysms and manifested in the artistic transformation of literature.

Gazinur Gizdatov (Almaty, Kazakhstan) examines the unfinished novel *Central Asia in the Middle Ages* by Pavel Saltzman – for a reason. The “Eastern” theme is increasingly penetrating the global humanities, prompting a study of its talented exploration in Russian literature of the preceding era. The unique text was created in the mid-twentieth century (1939–1950), impressing not only with its artistic excellence but also with the “untimely” freedom of the author, playing with eras, referring readers to works of world literature, and incorporating innovative modernist poetic techniques, as previously noted in the journal [Казарновский].

Some projects of industrialisation in pre-war Soviet Russia turned out to be unfinished not only due to economic reasons but also because of poor organisation, lack of specialists, and unsuccessful planning. The history of the prolonged failures in the construction of the giant Ural Engineering Plant – Uralhim mash – is presented in the article by *Alexander Dumchikov* and *Ksenia Pimenova* (Yekaterinburg, Russia). The cessation of construction was consistently ignored, while its repeated launches announced with aspirations to guaranteed success, served yet another slogan for moving forward, turning into a factor for mobilising efforts and patiently awaiting the promised improvement in people’s lives. The utopian discourse “worked” during the planning of the evacuation of factories from central Russia, when the Urals became a platform where, with inhuman efforts, military production redoubled during the Second World War.

The theme of the existence of population groups within Russia with different cultures and languages (with citizenship and without it) – namely, diasporas – is developed in the article by *Andrey Avdashkin* (Yekaterinburg, Russia). The researcher focuses on the Kyrgyz diaspora in cities of Eastern Russia. Based on interviews, the author identifies migrants’ views on the conflictual disadvantages of living in diasporas. The indifference of their own government, disregard for migrants by official structures, disunity, and inhumane working conditions all contribute to a negative psychological state. The desire to return to the historical homeland conflicts with an awareness of the futility of such a move⁴.

The concluding section, *Controversiae et recensione*s, offers two interrelated critical articles. The first, authored by *Veronika Vysokova* and *Mikhail Kiselev* (Yekaterinburg, Russia), critically reviews the book by Hungarian Russianist, E. Sashalmi (*Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter’s Reign*). It explores perceptions of power and the state during the historical period from the fifteenth to the eighteenth centuries. While acknowledging the author’s work, the reviewers find many contradictions in the application of a comparative approach, leading to distant parallels and an incorrect understanding of the phenomenon of Russian political culture. *James White’s* critical review (Yekaterinburg, Russia) concerns *Russia’s Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*, a monograph

---

⁴ The diaspora theme will be further elaborated in the 2024 issues of the journal.

by American scholar D. Scarborough, dedicated to the history of the Russian Orthodox clergy in the late imperial period. The author of the work adopts a nontrivial approach – reviewing the church's activities in the field of mutual aid and charity, while using lay people from the church community for material support and the construction of churches. According to the researcher, this partly contributed to the survival of churches in the face of further Bolshevik persecution.

Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.
А. С. Пушкин

Четвертый номер 2023 г. открывается обсуждением проблем, касающихся значения и сложностей перевода. Повышение интереса к этой теме в определенные повороты истории объясняется нацеленностью социума на поиски новых смыслов жизненного устройства, принадлежащих иной культурной и исторической реальности. Степень приобщения к «инаковости» определяется открытостью культуры и желанием ее носителей расширить информационные ресурсы. Достижения русской переводческой школы, начиная с XVIII в., были продиктованы как читательской востребованностью, так и коммуникативной прагматикой в разных сферах. Можно вспомнить, что в Древней Руси переводчик именовался *толмачом*, что значило не только *переводчик*, но и *истолкователь* [см.: Срезневский, т. 3, стб. 1045], то есть человек, способный объяснить неведомое. Прагматика переводческой деятельности заслоняет ее когнитивную функцию, важной составляющей которой является приобщение через перевод к новому качеству жизни, понимание неизбежности изменений. Перевод позволяет соединять традицию и модернизацию, дает уникальную возможность открытия самого себя через зеркало культуры иного генезиса. В то же время у достоверности перевода есть границы, обусловленные неповторимостью культурно-исторических контекстов и особенностями авторской личности. Опасность искажения замысла автора преследует переводчика, являясь одновременно стимулом профессионального совершенствования. Обсуждение возможностей и коммуникативной сущности перевода, заявленное в рубрике *Problema voluminis*, продолжается в дискуссии с участием практиков и теоретиков перевода в рубрике *Dialogus*.

В статье известного переводчика, профессора Университета Буэнос-Айреса *Омара Лобоса* (Буэнос-Айрес, Аргентина) анализируются творческие установки переводчиков, берущих за основу при стихотворном переводе традиции западноевропейского стиха. На примерах собственных переводов русских стихов на испанский язык автор сближает ритмические модели разноречных культур и показывает продуктивность такой работы. Сопоставительный анализ разных переводческих стратегий, использованных при передаче пятистопного ямба поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», и размышления об этих стратегиях представлены в статье *Владислава Бортникова* (Екатеринбург, Россия). Автор вводит понятие ритмического равенства перевода и оригинала – эквиритмии – и показывает различную степень приближения к нему в переводах разного времени, а также анализирует разные представления о важности определенного компонента, передающего поэтическую оригинальность Мильтона. Статья *Ольги Турышевой* (Екатеринбург, Россия) – пример возможностей специалиста на основании крайне лапидарного исследовательского материала сделать достоверные выводы о самобытности философии писателя. Это касается такого сложного творца, как Ф. Кафка. Рассматривая перевод одной фразы из новеллы «Превращение», исследователь показывает, насколько точная передача смысла при переводе может быть связана с общими представлениями о рациональном и интуитивном способах восприятия искусства и насколько кафкианское истолкование этого феномена может быть подвержено редукции/инверсии в процессе перевода.

Второй проблемой является прагматика иностранного языка в истории русской дипломатии XVIII в. Решительный выход России в пространство европейской дипломатической работы, организация широкой сети международных связей происходили в том числе благодаря пониманию конкретными людьми своего долга и их таланту. Обращение к архивным источникам позволяет проникнуть не только в официально признанные результаты сотрудничества, но увидеть, как владение разными языками оптимизировало коммуникацию между странами.

Подробное описание этапов приобщения к немецкому языку в целях укрепления дипломатических контактов России и Швеции в Петровскую эпоху дает *Яна Ларина* (Москва, Россия). Исследователь тонко отмечает наличие в этом процессе символической функции, когда документ, востребованный в дипломатической практике, имел дополнительный символический подтекст утверждения силы или доминирования мнения определенной стороны, будучи представленным на национальном языке. Эти же документы демонстрируют установку российской дипломатии на поиски компромисса в данном вопросе. О роли личных усилий князя Ивана Щербатова в освоении европейских языков для осуществления переговоров и соблюдения международного этикета в переписке, что вело к достойному включению России петровского времени в систему дипломатии, повествует *Владислав Ржеуцкий* (Париж, Франция). Архивные документы свидетельствуют

об использовании родного дипломату языка для подчеркивания в личной переписке национальной идентичности, в отличие от языка рабочих документов. *Эрнест Зицер* (Дарем, Северная Каролина, США) на основе исследования биографии князя Бориса Куракина высказывает мнение о том, что именно уровень владения французским языком стал первой ступенькой в карьерной лестнице дипломата. Изучение языка происходило через личные контакты, переписку и во время путешествий. Владение несколькими языками-посредниками привели к достойному уровню главного дипломатического языка времени – французскому, что позволило Куракину влиться в дипломатическую элиту Европы, способствуя установлению в относительно короткое время дипломатического авторитета российского государства.

Не менее интересным представляется разговор об особенностях работы дипломатических миссий при русском дворе. Архивные документы, связанные с деятельностью римско-императорского посла в Санкт-Петербурге графа Николауса (Миклоша) Эстерхази – аристократа венгерского происхождения, показывают его блестящее владение европейскими языками. Эти знания и умения использовались им как для налаживания личных отношений при дворе государыни Елизаветы Петровны, так и для создания отчетов и донесений в Вену. *Ольга Хаванова* (Москва, Россия) приводит яркие свидетельства того, насколько Эстерхази, владевшему искусством общения на разных языках, удавалось привлечь к себе внимание придворных и императрицы. Важность языковых компетенций на дипломатической службе выявляется на основании служебной переписки Карла Густава и Иоганна Матиаса Симолиных – российских дипломатов XVIII в., выходцев из западных земель (Остзейских губерний). В статье *Марии Петровой* (Москва, Россия) произведено продуктивное сопоставление карьерных достижений братьев, имевших равнозначные старты в дипломатической карьере, но по-разному распорядившихся возможностями и языковыми талантами. Биографии братьев показывают, насколько важными для того времени были стратегия активной коммуникации с коллегами, личные контакты в различных языковых сообществах и понимание этикетных норм общения в международном контексте.

С темой переводческой деятельности связана дискуссия, материалы которой публикуются в рубрике *Dialogus* Модераторам *Ольге Сидоровой* и *Татьяне Кузнецовой* из Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия) удалось привлечь к обсуждению высокопрофессиональных переводчиков и исследователей из разных стран и переводческих школ: это *Ольга Варшавер* (Москва, Россия), *Елена Петрова* (Санкт-Петербург, Россия), *Карен Хьюитт* (Оксфорд, Великобритания), *Александро Гонсалес* (Буэнос-Айрес, Аргентина). Участники обсудили современные тенденции переводческой деятельности, высказали различные мнения относительно критериев качества перевода и личной ответственности акторов, а также о роли переводчика в мировой культуре.

Новые повороты в обсуждении условий формирования и пролонгирования исторической памяти, соотношения с национальной идентичностью представлены в материалах ряда исследователей из разных научных центров.

Модернизацию в трактовке идей Владимира Стасова, касающихся понятия «русский стиль» в искусстве 1860–1880-х гг., предлагает *Илья Печёнкин* (Москва, Россия). По его мнению, советская интерпретация теории Стасова как выражение народной потребности в самоидентификации – не что иное, как «культурное воображение» теоретика, в реальности же перед нами предстает проявление официального имперского национализма, приверженцем которого был Стасов, который вполне соотносился в его сознании с пониманием социального прогресса и интересов народа.

Тема исторической памяти в связи с личностной идентичностью рассмотрена в статье *Юлии Зевако* (Екатеринбург, Россия). Взяв за основу конкурирующие дискурсы советской истории, а именно – память о победителях и о величии Отечественной войны, с одной стороны, и переживание трагедий репрессированных – с другой, автор на материале нескольких интервью ставит трудные вопросы о критериях сохранения в памяти по-разному эмоционально и идеологически окрашенных событий. Исследователь связывает процессы сохранения или исключения из памяти определенных реалий жизни в первую очередь с личностной готовностью информантов к оценке семейной истории.

Исключению из памяти могут способствовать установки самих собирателей устного материала, продиктованные идеологическими соображениями. В этом ракурсе фольклорный архив Уральского федерального университета впервые анализируется *Татьяной Хоруженко* (Екатеринбург, Россия). Сопоставление архивного материала и методических рекомендаций по его сбору позволяет обозначить лакуны, возникшие по субъективным обстоятельствам. Организация логики опроса и внимание собирателей к одним темам, пренебрежение другими, по мнению исследователя, задают коммуникативный контекст, влияющий на носителя фольклора, что и следует учитывать при создании жанрово-мотивной карты активного бытования текстов.

О современных направлениях в осмыслении исторического прошлого в художественной прозе размышляет *Татьяна Бреева* (Казань, Россия). Эпатажный роман Юрия Буйды «Пятое царство» опирается на тенденцию мировой литературы к интерпретации истории как ключа к пониманию современности и к разрушению исторических мифов. Тем самым достигается эффект амбивалентного свойства, когда преодоление исторической мифологии – не цель, а способ познания иронического модуса современности. К памяти об эпохе рок-музыки и ее социокультурной роли в позднесоветском Ленинграде обращается в своей статье *Александра Колесник* (Москва, Россия). На основании интервью с участниками рок-клубов о личной причастности к музыкальной культуре, а также анализа современного туристического

интереса к памятным местам автор делает вывод о процессе осознания этих страниц в отечественной культуре как существенном наследии не только в эстетическом, но и в философско-бытийном аспектах.

Публикуемым источником в этом выпуске стали неизвестные тексты молитв из пергаменной рукописи середины XIV в. (РГАДА. Типографское собрание. № 28). Уникальные тексты, наполненные живыми чувствами создателей, подготовлены к печати Антоном Щепёткиным (Екатеринбург, Россия) и сопровождаются его же научным комментарием.

В рубрике *Disputatio* соединились исследования творческих интенций конца XVII – начала XVIII в. – времени завершения русского Средневековья и начала изменений в культуре Нового времени. Обращение к античности, считает Светлана Севастьянова (Новосибирск, Россия), можно оценить как способ приобщения к основам светской европейской культуры. Подобный поворот предпринял в начале 1667 г. митрополит Газский Паисий Лигарид в «Книге о соборе». В посвящении русскому царю писатель активно использовал античные образы, раскрывая темы назначения истории и достоинства правителя. Современный полный перевод книги Лигарида позволяет существенно углубить научные представления о путях освоения европейского культурного текста.

Часть историко-культурного наследия составляют незавершенные по каким-то причинам артефакты. С подобными текстами проповедей Стефана Яворского, дошедшими до нас в автографах, работает Алексей Попович (Екатеринбург, Россия). Исследователь расшифровывает рукописи проповедника, выявляет исторические и жизненные обстоятельства, заставившие автора, сделавшего отметку «non dictum», отложить произнесение поучений. В научный оборот вводится новая информация о политических взглядах интеллектуала переходного времени и его художественных предпочтениях⁵.

Незавершенный роман Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» не случайно привлек внимание Газинура Гиздатов (Алматы, Казахстан). Восточная тема начинает все глубже входить в мировую гуманитаристику, заставляя обращаться к ее талантливому освоению в русской литературе предшествующей эпохи. Время создания уникального текста относится к сердцевине XX в. (1939–1950). При знакомстве с ним поражает не только художественное совершенство, но и «несвоевременная» свобода автора, играющего с эпохами, отсылающего читателя к произведениям мировой литературы, а также новаторские модернистские приемы его поэтики, что уже было отмечено на страницах журнала [см.: Казарновский].

Незавершенными не только по экономическим, но и вследствие слабой организации, отсутствия специалистов и неудачного планирования оказались некоторые проекты индустриализации советской до-

---

⁵ Характеристика особенностей этого периода как обзорного [см.: Кошелева], так и конкретно-фактологического плана [см.: Waugh, 2023a; Waugh, 2023b] неоднократно давалась на страницах журнала, будучи связанной с историческими катаклизмами и проявленной в художественной трансформации литературы.

военной России. История многолетних неудач при возведении гиганта уральского машиностроения – Уралхиммаша представлена в статье *Александра Думчикова и Ксении Пименовой* (Екатеринбург, Россия). Прекращение строительства всячески нивелировалось, тогда как неоднократные его возобновления, провозглашенные с пафосом успеха, становились очередным лозунгом движения вперед, превращаясь в фактор мобилизации усилий и терпеливого ожидания населением обещанного улучшения жизни. Утопический дискурс «сработал» при планировании эвакуации заводов из центра России, когда Урал стал площадкой, на которой в начале Великой Отечественной войны было развернуто военное производство.

Тема существования внутри России объединений населения с иной культурой и языком (с гражданством и без него) – диаспор – поднята в статье *Андрея Авдашкина* (Екатеринбург, Россия). В поле его внимания оказались представители киргизской диаспоры, проживающие в ряде городов на востоке России. На основании интервью с ними автор выявляет взгляды мигрантов на жизненное неблагополучие людей в диаспорах. Безразличие собственного правительства, пренебрежение к мигрантам официальных структур, разобщенность и нечеловеческие условия труда – все это порождает у людей негативные психологические состояния. А желание вернуться на историческую родину вступает в противоречие с осознанием жизненной бесперспективности такого движения⁶.

Завершающая рубрика *Controversiae et recensione* представлена двумя перекликающимися между собой критическими статьями. В первой, принадлежащей перу *Вероники Высоковой и Михаила Киселева* (Екатеринбург, Россия), на основе критического анализа книги венгерского русиста Э. Шашхалми (*Endre Sashalmi*) рассматриваются представления о власти и государстве с XV по XVIII в. Отдавая должное труду автора, рецензенты находят немало противоречий в применении компаративного подхода, приводящего к весьма далеким параллелям и некорректному пониманию феномена российской политической культуры. Критический обзор *Джеймса Уайта* (Екатеринбург, Россия) касается монографии американского ученого Д. Скарборо (*Daniel Scarborough*), посвященной истории русского православного духовенства в позднеимперский период. Автор труда, по мнению рецензента, выбирает нетривиальный подход, обозревая деятельность церкви в сфере взаимопомощи и благотворительности, привлечения мирян из церковной общины к задаче материального обеспечения и строительства храмов. По мнению американского историка, это отчасти способствовало сохранению храмов в условиях дальнейшего большевистского преследования.

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

⁶ Тема диаспоры более подробно будет развернута в одном из номеров 2024 г.

Библиографические ссылки

Казарновский П. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки») // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 1. С. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

Коселева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : [в 3 т.]. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1893–1912.

Waugh D. C. The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1 // *Quaestio Rossica*. 2023a. Vol. 11, № 2. P. 395–422. DOI 10.15826/qr.2023.2.796.

Waugh D. C. The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2 // *Quaestio Rossica*. 2023b. Vol. 11, № 3. P. 967–992. DOI 10.15826/qr.2023.3.829.

References

Kazarnovsky, P. (2019). *Telesnye i prostranstvennye anomalii kak otrazhenie vseobshchego raspada (roman Pavla Zal'tsmana "Shchenki")* [Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman's *Puppies*)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

Kosheleva, O. (2018). *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Rossii predpetrovskogo vremeni: novye aspekty* [Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Sreznevskii, I. I. (1893–1912). *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam v 3 t.* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Works. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Waugh, D. C. (2023a) *The Kuranty in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 2, pp. 395–422. DOI 10.15826/qr.2023.2.796.

Waugh, D. C. (2023b). *The Kuranty in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 3, pp. 967–992. DOI 10.15826/qr.2023.3.829.